

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертания вдали...
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор...
И сиянием прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

Символисты создали свой мир и отвергли существующую реальность. Этот мир без правил в последствии превратился в настоящую действительность. Искусство, жизнь по символизму - это театр, в котором каждый играет свои роли.

Кажущиеся бессмысленными стихотворения, странные выходки молодых поэтов шокировали всех. Символистов рисовали "голыми лохмачами с лиловыми волосами и зеленым носом". Психиатры утверждали, что новая поэзия - симптом вырождения человечества, авторы с нею связанные, не желают знать истинных проблем сегодняшней жизни, выдумывают свой, мало кому интересный мир. Наверное, они делали это потому, что мир реальный полон грязи, пошлости, предательства, из-за этого они словно совершают прорыв в свой новый мир, мир теней, образов и красок.

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

Символистам присвоили кличку "декаденты" ("упадочники") . Думали их уязвить, а они сделали кличку своим вторым именем. С точки зрения символистов, этот "упадок" , значительно ценнее нормальной посредственности. Они не только писали "декадентские" стихи, но и намеренно вели "декадентский" образ жизни.

Один из самых ярких поэтов русского символизма Андрей Белый в октябре 1903 года заказал в типографии и разослал по знакомым визитные карточки: "Фамилия" Фафивва была для особой выразительности набрана церковно-славянским шрифтом с двумя, в то время уже не употреблявшимися буквами - фитой и ижицей. К нему (А. Белому) чуть не вызвали психиатра. Этими карточками Белый хотел создать особую атмосферу, в которой игра (смешные, вымышленные имена и адреса) и мифические персонажи (единорог, а на других карточках - кентавры, карлики и пр.) становились частью окружающего реального мира. Ведь отпечатанные в типографии визитные карточки приходили по настоящей почте или их приносил посыльный. Быть человеком круга всех московских символистов значило не отрицать возможности существования единорогов в московских закоулках.

Всякого рода "странности" в среде русских символистов появились практически одновременно с рождением символизма. Еще в 90-х годах Брюсов поражал собеседников загадочными речами, намеренно ничего не разъясняя. А Бальмонт "дикими" выходками покорял женщин и доводил до иступления мужчин. Воспитанный же в такой атмосфере читатель уже ничему не удивлялся.

Жизнь породила искусство, искусство переливалось в жизнь - строило ее по своим законам. Игра перерастала в реальность, и все оказывалось соответствием всего.

Эта причудливая действительность становилась повседневной атмосферой, ею жили и дышали. Таков был московский символизм. В Петербурге все обстояло немного по-другому.

Символистами называли себя и те, кто стремился к туманным намекам на неясный им самим смысл, и направлявшие мысль читателя по пути прихотливых ассоциаций, и претендовавшие на то, чтобы определить словами еще никем не познанную сущность Вселенной.

Символизм Петербурга - это особое состояние мира и человека, повлекшее за собой перемены во всех областях жизни. В человеке же главное, по символизму, особая нервность, тяготение к мистическому познанию.

Петербургские символисты стремились продемонстрировать обостренную чувствительность, непонятные обычному человеку переживания, неожиданные видения. Символисты описывают мир духов, доступный спиритам.

Символизм по - петербургски - это игра со светом и тенью. Вера в то, что помимо мира видимого, реального, существует другой - невидимый, сверхъестественный; вера в возможность человека общаться с этим миром. Символизм по Петербургу - это разрыв границ и прорыв в будущее, а вместе с тем и в прошлое, прорыв в иное измерение.

Три главных элемента нового искусства, считают символисты, - мистическое

содержание, символы и расширение художественной впечатлительности.

Петербургский символизм иногда называют "религиозным". Религиозность, однако, понимается максимально широко - это не только православие, но и иные вероисповедания и религиозные искания: от народных, сектантских, до рассудочных конструкций высокообразованных людей.

И Ветхий и Новый Завет, считали петербургские символисты, уже исчерпаны. Человечество должно перешагнуть в царство, предсказанное Апокалипсисом. И они старались показать современному православию новый путь - Третьего Завета.

"СИМВОЛИЗМ" - направление в европейском и русском искусстве, возникшее на рубеже XX столетия, сосредоточенное преимущественно на художественном выражении посредством СИМВОЛА "вещей в себе" и идей, находящихся за пределами чувственного восприятия. Стремясь прорваться сквозь видимую реальность к "скрытым реальностям", сверхвременной идеальной сущности мира, его "нетленной" Красоте, символисты выразили тоску по духовной свободе.

Символизм в России развивался по двум линиям, которые часто пересекались и переплетались между собой у многих крупнейших символистов:

1. символизм как художественное направление и
2. символизм как миропонимание, мировоззрение, своеобразная философия жизни.

Особенно сложным переплетение этих линий было у Вяч. Иванова и Андрея Белого с явным преобладанием второй линии.

Символы - это не изобретения людей, но некие знамения, означающие нечто, принадлежащее божественной действительности. Они обладают самостоятельным бытием и наделены комплексом значений, по-разному раскрывающихся на различных уровнях бытия и сознания.

Символ принципиально неоднозначен и не воспринимаем на логическом уровне. Он не дает точного знания о своем содержании, но лишь в большей или меньшей мере намекает на него. Символы не говорят, но "подмигивают" и "кивают". Они "кивают" "о действительно переживаемом, о творимом, о третьем, о царстве "символа". Символ - это нечто внешнее, надежно укрывающее внутреннее и защищающее его от непосвященных: "Идеология шлема и бронировки" - это идеология символического мышления. Соккрытие и защита, однако, - не главная функция символа, но скорее необходимость, вытекающая из принципиальной трудновыразимости его внутреннего содержания. Главная же его задача, конечно, позитивная - открывать тайну тем, кто способен ее понять. "... символ окно в Вечность".

Валерий Яковлевич Брюсов

В истории русской литературы Брюсов навсегда остался открывателем новых путей, "искателем смутного рая", великолепным мастером стиха, доказавшим, что поэт может передать все многообразие человеческих страстей, все "сокровища", заложенные в чувстве.

Брюсовым создан собственный стиль - звучный, чеканный, живописный. Для него характерно разнообразие форм, их неустанный поиск, стремление обнять в своем творчестве все времена и страны. Брюсов ввел в русскую поэзию образ современного большого города с его людскими толпами и огнями реклам. Брюсову всегда была близка общественно-гражданская тема. Труд, творческие возможности человека, подчиняющего своей воле силы природы, - один из важнейших мотивов поэзии Брюсова. Для Брюсова характерна поэзия намеков.

*Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея - беззвучная, черная Яуза.
Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грозными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы - стервятники.
Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос близкого к жизни возмездия.
Встанешь, глядишь...а они все кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.*

В этом стихотворении Брюсов словно уводит нас в иную реальность, в иное измерение, он противопоставляет Россию с Африкой и сравнивает Москву с самкой страуса. В данном случае самка спящего страуса является символом Москвы. Повторение звуков гр - кр - рск - кр напоминают нам крики страуса. Все это навеивает мистический трепет. Брюсов выбрал необычайный для русской поэзии размер - с разным количеством ударных слогов в строчках. Он показывает красоту безобразного (грязные крылья, стервятники, падаль). Мы как будто находимся в нереальном мире, космосе, где царит тишина и покой. В первой строфе через страуса Брюсов проводит аналогию с Москвой, говоря

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

"Грязные крылья по темной почве раскинуты, Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты, Тянется шея - беззвучная, черная Яуза", он имеет ввиду то, что Москву заполнила грязь и тени заняли все ее пространство. Она устала терпеть всю пошлость, которая заполонила все!

У остальных поэтов, не символистов, символ принимает более аллегоричную форму, форму сравнений; символисты же выходят за рамки аллегорий. У них символ приобретает более обширные границы, принимая при этом самые необычайные формы. В данном стихотворении это отчетливо видно. Брюсов сравнивает Москву со страусом.

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Мережковский утверждал, что: "...три главных элемента нового искусства - мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности".

Индивидуальное, личное переживание, по мнению Мережковского, только тогда ценно, когда оно дополнено не просто привычкой или самой острой плотской страстью, а чувством единения двоих в любви - настоящей, подлинной любви. Но и это еще не все. За тайной любви человеку должна открыться тайна новой общности людей, объединенных какими-то общими устремлениями. Естественно, легче всего такая связь могла осуществляться в религии, где люди связаны общей верой (ведь и само слово "религия", "religio", в переводе с латинского означает "связь") . Поэтому Мережковский в своей поэзии стремился доказать, что вся история человечества основана на повторяющемся из века в век противоборстве Христа и Антихриста, лишь воплощающихся в исторические фигуры. Для того чтобы спасти общество, русской интеллигенции необходимо, по его мнению, преодолеть атеизм. "Хама грядущего победит лишь Грядущий Христос" .

Все это говорит о том, что Мережковский в своей поэзии отражает религиозную, мистическую позицию, выходя тем самым в иные миры и постигая там истину.

Стихотворением, которое наиболее ярко отражает творчество Мережковского, является стихотворение "Поэту".

И отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдет во тьме и мрак твой будет как полдень.

Исаия, LVIII

*Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.*

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

*Как друг, не как судья неумолимо-строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их, и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствую горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам
И, как святыню, чти их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда;
В постыдной оргии продажного порока -
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существованья
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блеске и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою, могучею струей.*

Здесь автор выбрал форму напутствий, он как бы оформляет свое произведение по принципу библии, он словно пишет заповеди для поэта. Самая главная мысль этого произведения заключается в том, что поэту нужно опуститься на уровень простого народа и понять его. Мережковский считает, что поэт, прежде всего человек, поэтому он не должен отворачиваться от ближнего своего, он должен понять его и простить ему все. Автор говорит, что сердце поэта должно быть всегда открыто для чужих бед и болей; говорит ему истины, в которых поэт и познает вдохновение (ведь когда человек видит "Следы раскаянья и жгучего стыда, Улыбку матери над тихой колыбелью, Молитву грешника и поцелуй любви, И вдохновенного возвышенною целью, Борца за истину во мраке и крови." - он не может устоять, и именно в эти моменты и возникает, приходит к нему истина, которую он так долго искал).

Следующим напутствием поэту Мережковский говорит о том, что красоту и смысл существования он может постичь "Не в упоительной и радостной мечте, Не в блесках и цветах, но в терниях страданья, В работе, в бедности, в суровой простоте." - этим Мережковский хочет сказать, что прекрасное надо искать не там, где все покрыто

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

красивой оболочкой, а там, где царит страдание, бедность, нищета, ведь, чтобы понять смысл жизни поэту нужно пройти все эти этапы самому: бедноту и суровую простоту, тернии и страдание. В конце автор говорит, что если поэту удастся пройти все эти препятствия на его пути, то муза сама найдет его. Это и будет, по мнению автора, венцом его скитаний.

Зинаида Николаевна Гиппиус

Зинаида Гиппиус в своих творческих идеях во многом следовала за Мережковским, ее роль в символизме была неотделима от роли мужа, потому часто оставалась почти незаметной. Но Гиппиус внесла в русский символизм стихию театральности, создала особый, "декадентский" стиль в жизни и творчестве.

Любовь - одна

... Не может сердце жить изменой, Измены нет: любовь - одна. 1896 г.

*Душе, единостью чудесной,
Любовь единая дана.*

*Так в послегрозности небесной
Цветная полоса - одна.*

*Но семь цветов семью огнями
Горят в одной. Любовь одна,*

*Одна до века, и не нами
Ей семицветность суждена.*

*В ней фиолетовость и алость,
В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...*

И семь сияний - и одна.

*Не все ль равно, кого отметит,
Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
Чья отзовется глубина?*

*Неразделимая нетленна,
Неуловимая ясна,*

*Непобедимо неизменна
Живет любовь, - всегда одна.*

*Переливается, мерцает,
Она всецветна - и одна.*

*Ее хранит, ее венчает
Святым единством - белизна.*

В первой строфе Гиппиус сразу вводит образ радуги, как символа любви. Она так же ярка и непредсказуема, ее нельзя угадать, понять, ее цвета завораживают; так же и любовь ярка в своих проявлениях и заставляет забыть обо всем. Любовь нам дана от бога одна, так же и радуга бывает лишь в одном случае - после грозы. Гроза отождествляется с человеческой жизнью, любовь бывает лишь однажды, так же как и каждая гроза имеет свою единственную радугу. Радуга настолько многолика и пестра, что ее нельзя определить одним цветом, так же и любовь многогранна в своих чувствах и проявлениях. Гиппиус говорит о том, что нет достойных или недостойных любви, нет избранных для этого чувства, ведь для любви не важно кто ты, перед нею все равны: "Не все ль равно, кого отметит, Кого пронижет луч до дна, Чье сердце меч прозрачный встретит, Чья отзовется глубина?" Любовь настолько противоречива, что человеческому разуму сложно постичь это чувство, поэтому она: "Неразделимая нетленна, Неуловимая ясна, Непобедимо неизменна Живет любовь, - всегда одна" В последней строфе Гиппиус говорит о том, что любовь светла, чиста и небесна, тем самым рисует ее образ белым цветом.

Константин Дмитриевич Бальмонт

Бальмонт жаждал "изысканности русской медлительной речи". Он научился "превращать тоску в напев" и находить игру созвучий в природе, он из всех поэтов-символистов отличался особой напевностью и особой звучностью стиха. Черты символизма, по мнению Бальмонта - культ мгновения, внезапно возникшего и безвозвратно промелькнувшего, туманность намеков, прихотливость чувства.

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертания вдали...
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор...
И сиянием прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
А внизу подо мною уж ночь наступила,*

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

*Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

Определяя символистскую поэзию, Бальмонт писал: "Это поэзия, в которой органически...сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота..." . В стихотворении "Я мечтою ловил уходящие тени..." , как легко убедиться, есть и "очевидная красота" и иной, скрытый смысл: гимн вечному устремлению человеческого духа от тьмы к свету. Тени ассоциируются с чем-то неосознанным, непонятным, недоступным, поэтому автор так и стремится постичь эту истину, познать ее.

"Я на башню всходил, и дрожали ступени, И дрожали ступени под ногой у меня" Этот путь, словно шаткий ветхий мост над пропастью, каждый шаг - это риск, риск сорваться, не дойти до своей цели, упасть вниз.

"И чем выше я шел, тем ясней рисовались, Тем ясней рисовались очертания вдали... И какие-то звуки вокруг раздавались, Вкруг меня раздавались от Небес и Земли" Чем ближе автор приближался к заветной цели, тем яснее он видел то, к чему стремился, видел истину.

"А внизу подо мною уж ночь наступила, Уже ночь наступила для уснувшей Земли, Для меня же блистало дневное светило, Огневое светило догорало вдали" То есть, не смотря на то, что его окружал уже полный мрак, он видел впереди свет, свет, который освещал ему весь путь.

"Я узнал, как ловить уходящие тени, Уходящие тени потускневшего дня, И все выше я шел, и дрожали ступени, И дрожали ступени под ногой у меня" В последней строфе автор говорит о том, что он все-таки познал истину, он нашел то, что искал.

Бальмонт воспевал космической красоты.

В своей записной книжке Бальмонт писал: "У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь".

Андрей Белый

Андрей Белый создал свой особый жанр - симфония - особый вид литературного изложения, по преимуществу отвечающий своеобразию его жизненных восприятий и изображений. По форме это нечто среднее между стихам и прозой. Их отличие от стихов в отсутствии рифмы и размера. Впрочем, и то и другое словно непроизвольно вливается местами. От прозы - тоже существенное отличие в особой напевности строк. Эти строки имеют не только смысловую, но и звуковую, музыкальную подобранность друг к другу. Этот ритм наиболее выражает переливчатость и связность всех душевностей и задушевностей окружающей действительности. Это именно музыка жизни - и музыка не мелодическая...а самая сложная симфоническая. Белый считал, что поэт-символист - связующее звено между двумя мирами: земным и небесным. Отсюда и новая задача искусства: поэт должен стать не только художником, но и "органом мировой души...тайновидцем и тайнотворцем жизни". От того и считались особенно ценными прозрения, откровения, позволявшие по слабым отражениям представить себе иные миры.

Тело стихий

*В лепестке лазурево-лилейном Мир чудесен.
Все чудесно в фейном, вейном, змейном Мире песен.
Мы - повисли, Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли Блесками летающих лучей.*

Автор способен увидеть красоту даже в самых нелепых, неприхотливых предметах "В лепестке лазурево-лилейном" . В первой строфе автор говорит, что все вокруг чудесно и гармонично. Во второй строфе строчками "Как над пенной бездною ручей. Льются мысли Блесками летающих лучей" Автор рисует картину ручья, водопада низвергающегося вниз, в пенную бездну, и от этого в разные стороны разлетаются тысячи мелких сверкающих капелек, так льются и человеческие мысли.

Вячеслав Иванович Иванов

Старинные речения, непривычный синтаксис, необходимость улавливать самые малоизвестные значения слова делают стихи Иванова очень сложными. Даже в тех стихах, которые кажутся совсем простыми, множество потаенных смыслов. Но мудрая простота, понятная любому в них тоже встречается.

Сейчас я хочу проанализировать стихотворение "Троицын день" .

Дочь лесника незабудки рвала в осоке В Троицын день; Веночки плела над рекой и купалась в реке В Троицын день... И бледной русалкой всплыла в бирюзовом венке. Гулко топор застучал по засеке лесной В Троицын день; Лесник с топором выходил за смолистой сосной В Троицын день; Тоскует и тужит и тешет он гроб смоляной.

Свечка в светлице средь темного леса блестит В Троицын день; Под образом блеклый веночек над мертвой грустит В Троицын день.

Бор шепчется глухо. Река в осоке шелестит... Автор постоянно намекает на то, что все события происходят в троицын день, причем, по сути, такие действия, какие делают наши герои невозможно совершить в один - троицын день. Но автор, объединяет их, и делает все действия в одно мгновение.

*О розе амброзийных нег
Не верь поэта баснословью;
Забудь Киприды ризу вдовью,
Адониса живой ковчег.
Что, древле белая, как снег,
Она его зардела кровью,
О розе амброзийных нег
Не верь поэта баснословью.
Завиден пастыря ночлег.
Зови богиню к изголовью;
О ней мечтай, - пронзен любовью, -
Из волн ступающей на берег,
О розе амброзийных нег.*

СИМВОЛИЗМ. Символизмом в литературе называется такое течение, при котором символ является основным приемом художественной изобразительности для художника, который в окружающей действительности ищет лишь соответствий с потусторонним миром.

Под грубою корою вещества
Я прозревал нетленную порфиру, -

писал Владимир Соловьев, учитель Андрея Белого и Александра Блока. Для представителей символизма «все - лишь символ». Если для реалиста роза важна сама по себе, со своими нежношелковистыми лепестками, со своим ароматом, со своими ало-черным или розово-золотым цветом, то для символиста не приемлющего мир, роза является лишь мыслимым *подобием* мистической любви. Для символиста действительность это только трамплин для прыжка в неизвестное. При символическом творчестве органически сливаются два содержания:

скрытая

отвлеченность, мыслимое подобие и

явное

конкретное изображение.

Александр Блок в своей книге «О современном состоянии русского символизма» связывает символизм с определенным *мировоззрением*, он проводит разграничение между *этим* видимым миром, грубым балаганом, на сцене которого двигаются марионетки, и миром потусторонним, дальним берегом, где цветут «очи синие бездонные» таинственной незнакомки, как воплощение чего-то неясного, непознаваемого, Вечно Женственного. Поэт-символист исходит из противопоставления этому миру

миров иных, у него поэт не стилист, а жрец, пророк, который является обладателем тайного знания, своими образами-символами, как знаменами, он «перемигивается» с такими же мистиками, которым «все мнятся тайны грядущей встречи», которые уносятся мечтой к мирам иным «за пределы предельного». Для поэтов - мистиков символы, это - «ключи *тайн*», это - «окна в *вечность*», окна из этого мира в иной. Здесь уже не литературное, а мистически - философское толкование символизма. В основе этого толкования лежит разрыв с действительностью, неприятие реального видимого мира - балаганчика с его «картонной невестой» - по выражению А. Блока, или с его

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 17:28 -

«отвратительной», грубой Альдонсой - по выражению Ф. Сологуба. «Реалисты схвачены, как прибором, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего, - символисты, отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь из окна» (Горные вершины, стр. 76. К. Бальмонт). Таким образом, в основе символизма лежит душевная расколотость, противопоставление двух миров и стремление бежать от этого мира с его борьбой в иной, потусторонний, непознаваемый мир. Укрывшись от житейских бурь и битв в келье, уйдя в башню с окнами цветными, поэт мистик безмятежно созерцает в буддийском покое мятущуюся жизнь - из окна. Там, где массы истекают кровью в борьбе, там уединившийся поэт-мечтатель творит свою легенду и превращает грубую Альдонсу и Прекрасную Дульцинею. Шум морского прибора слышит он в раковине своих символов, а не пред лицом бурной стихии.

Создал я грезой моею
Мир *идеальной* природы.
О, как ничтожны пред нею
Реки и скалы, и воды...

(Валерий Брюсов).